

Нити любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

ОДИНОЧЕСТВО
ВЫШЛО ИЗ ЧАТА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Редактор серии *Полина Корицкая*

Художественное оформление серии
Елены Куликовой

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 **Одиночество вышло из чата** : роман / Татьяна Тренина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202514-3

«Одиночество вышло из чата» — это история о поисках любви в большом городе. Микс семейных разборок, недоразумений, обмана и психологических загадок.

Ищите собственную формулу счастья вместе с девушкой Дашей, ее друзьями и родственниками, а также с двумя главными мужчинами Дашиной жизни. Решайте семейные проблемы, изучайте этот странный «рынок знакомств» и удивляйтесь неожиданным поворотам судьбы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тренина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-202514-3

Пролог

— **А** часики-то тикают! — едва перешагнув порог моей квартиры, с трагичной интонацией произнесла в пространство над моей головой двоюродная сестра Ирина. Потом пристально уставилась мне прямо в глаза.

Я в курсе, какое значение несет это выражение в наше время, особенно когда оно обращено к незамужней особе (ко мне в данном случае). Но в голосе Ирины было столько неподдельной скорби, что я решила, что речь идет о жизни и здоровье моей сестры. Наверное, она только что от доктора, который озвучил ей какой-то страшный диагноз?

— Кузя, с тобой все в порядке? — испугалась я. — Никому не верь, все еще сто раз может поменяться...

Я называла сестру Кузей с раннего детства. С тех самых пор, когда мне сказали, что двоюродная сестра — это кузина. Некоторое время Ирина сопротивлялась столь несолидному прозвищу, но потом, когда ее все вокруг тоже стали называть Кузей, она смирилась. На меня она не сердилась — ну что тогда с меня, с ребенка, было взять.

По возрасту Ирина вполне подходила мне в тети, ей сейчас пятьдесят два года, а мне — двадцать девять. То есть у нас с ней двадцать три года разницы. Так получилось, я — позднее дитя своих родителей.

— Проходи, выпьем чаю, я пирог испекла. — Я обняла Ирину, уткнулась носом в ее плечо. На Ирине — шуба из норки. мех с мороза пах очень приятно, словно живой, здоровый котик, немного извалявшийся на улице в снегу, а потом забежавший в дом. — Давай раздевайся, поговорим. — Я помогла сестре раздеться, пододвинула к ее ногам тапочки — только ее и ничьи больше. — Все будет хорошо, честное слово, верь мне! — От избытка чувств я еще раз обняла ее.

Ирина была не толстой, но какой-то массивной, что ли, и очень плотной, твердой на ощупь, словно каменной. Обниматься Ирина не любила, я каждый раз забывала об этом, бросаюсь ей на шею.

Мы отправились на кухню. Походка у Ирины была тяжелой, словно поступь каменного командора: звякнули чашки на полках в шкафу, когда она проходила мимо него.

— С чем пирог? — обреченно спросила Ирина, садясь за стол.

— Брауни с тыквой. Почти без сахара. Какао много, а масла в составе почти нет. Сверху горький шоколад. Нашла рецепт на зожном сайте, — сообщила я радостно. Включила чайник, поставила тарелку с пирогом перед сестрой.

— Брауни с тыквой... ор-ригинально... — пробормотала Ирина, недоверчиво разглядывая мое «творение». — Но ты умничка, все делаешь правильно. Хотя нет, все, да не все. Я как раз об этом пришла с тобой поговорить.

— О чем именно? — растерялась я.

— О тебе, конечно, — вздохнула Ирина. — Я-то что, обо мне уже поздно рассуждать.

— Да почему поздно... — воспротивилась я, вздохнув с облегчением (значит, со здоровьем у сестры все в порядке, скорая смерть ей не грозит).

— Я тут перед Новым годом пыталась какие-то итоги подвести, о тебе тоже думала. Тебе же в следующем году тридцать лет исполнится?

— Ну да, — согласилась я, разливая чай в чашки. — Твой любимый, с бергамотом.

— Спасибо. Ты, Даша, настоящая хозяйка, ты не понимаешь, что тебе просто цены нет! — вздохнула Ирина. Откусила кусок от пирога, задумалась, затем одобрительно кивнула: — Да, действительно, очень зожно, ни к чему этот лишний сахар.

— А при чем тут мой возраст? — спросила я.

— Так я и говорю — часики-то тикают! — встрепенулась она. — Тридцать лет тебе почти!

— И что такого? — дружелюбно произнесла я.

— Посмотри на меня, — угрожающе произнесла Ирина. — Ты что, тоже такой судьбы себе хочешь? Когда ни котенка, ни ребенка почти в предпенсионном возрасте...

— Зачем ты нагнетаешь! — довольно невежливо перебила я ее. — И кстати, про котенка. Давай ты заведешь котенка, а? Я-то не могу, у меня аллергия, ты знаешь, а у тебя ее нет. Я буду иногда заходить к тебе, играть с ним. От одного визита к тебе со мной ничего не случится, я и таблетку заранее выпью. Давай ты заведешь котенка! Ну, Кузя!

— Даша! — с мукой в голосе произнесла сестра. — Котики — это запретная тема для меня. Что такое эти котики, сама подумай. Это значит — все. Я официально стану немолодой дамой с котом. У которой единственная радость — домашний питомец. Хуже этого только несколько котов в доме, я слышала про роковую цифру в сорок котов. Я никогда не

соглашусь на кота, потому что это в каком-то смысле моя гибель. Моя гибель как женщины! Это прощание с надеждой, это старость. Печальный символ!

— Неправда, — решительно возразила я. — Котики — это символ вечной любви. Если бы не моя аллергия...

— Даша, я серьезно, не отвлекай меня чепухой. Я тебе вот что хочу сказать — время летит очень быстро. Раз, и не успеешь заметить, как самая лучшая часть твоей жизни пролетела. А ты ничего не успела! И уже поздно что-то менять. Есть одно важное правило: думать о том, как устроить свою жизнь, надо как можно раньше.

— Ты чувствуешь себя несчастной? — спросила я.

— Да. Послушай. У меня не было хоть сколько-то серьезных отношений, страстной взаимной любви. Ты помнишь, случались у меня короткие романы, ходили вокруг какие-то нелепые ухажеры, но глубокой любви, отношений и долгого, именно долгого, совместного проживания не было никогда. Наверное, мне не дано кокетничать. Наблюдаю, как ведут себя с мужчинами другие девушки, вот они как-то умеют общаться с противоположным полом — все эти ужимки, жесты, то прядь волос себе на палец накручивают, то глазами стреляют... А я не в состоянии кокетничать. Вообще! Я общаюсь с мужчинами как с людьми, а не как женщина с мужчинами. Да, у меня есть работа, есть своя квартира, я часто хожу на выставки, концерты, в гости... У меня замечательные друзья. Есть ты, в конце концов. Словом, я вроде бы вполне реализованный человек, да? Но... но когда вижу счастливые пары с детьми, как они мило беседуют, веселятся, как поддерживают друг друга (не все, конечно, но многие), то у меня прямо тоска начинается. Ведь у меня ничего этого нет! И теперь уже точно не будет. А ты в силах избежать этой ситуации. Учись на моих ошибках, Даша.

— Кузя, я тебе очень люблю, давай я буду твоей приемной дочерью, — радостно предложила я.

— Ты и так мне как дочь, я вот соберусь и завещание на тебя напишу. Хотя и без завещания все тебе достанется, ты ведь единственная наследница, — отмахнулась Ирина. — Но не сбивай меня. Ты думала о том, что овариальный резерв имеет свои границы?

— Чего? — немного шокированная, осторожно спросила я.

— Количество яйцеклеток, которые могут участвовать в оплодотворении, не бесконечно. Их с возрастом становится все меньше, между прочим!

— Кузя, у меня такое чувство, будто я не с тобой сейчас говорю, а с телевизором. Вернее, с одной дамой, которая любит всех шокировать, ведущей программы о здоровье на ТВ, — с досадой произнесла я. — Ну чего ты ко мне пристала...

— Все в этой жизни надо делать вовремя: влюбляться, рожать, бросать дураков, увольняться с работы, которая не устраивает... Не надо искусственно планировать жизнь, как мне мама когда-то внушала, — сначала отучиться, потом построить карьеру и только потом, встав на ноги, думать о семье. А еще мне мама запрещала ходить на дискотеки, мол, надо учиться, вот вырастешь — тогда и ходи на них сколько хочешь. Хотя дискотеки в мое время были раз в неделю в школе, и сами по себе вполне невинные мероприятия, просто танцы. Зачем я слушала ее советы?! Ну встала я на ноги, и вот стою одна уж сколько десятков лет! Даже не натацевалась, теперь в студию хожу, навёрстываю. Но толку-то... Я хотела танцевать в юности! То, что сейчас, — это все не то! Для мужчин такой подход — постепенный, когда ступенька за ступенькой надо жизнь завоевывать, — может, и срабатывает, но он не для женщин — наш бабий век слиш-

ком короток, надо все успеть. Страшно остаться в конце жизни одной, вот как я. И с воспоминаниями о скучной, «пустой» юности.

— Ага, зато некоторые так в юности успевают повеселиться, что потом еле живые и мечтают, чтобы память у них отшибло... лишь бы не вспоминать о своих выкрутасах! Да, и про учебу дополню. У меня высшего образования вообще нет, и что? Я не переживаю, — улыбнулась я. — А, ну и карьеры у меня тоже нет. Правда, у меня есть любимый мужчина. Кузь, ну ты правда зря переживаешь, у меня с личной жизнью все в порядке. Илья вполне порядочный мужчина. Мы с ним почти десять лет вместе!

Ирина доела пирог, отставила тарелку в сторону. Задумалась ненадолго, потом продолжила с какими-то новыми интонациями, мягко и вкрадчиво:

— Вот ты говоришь, он вполне порядочный мужчина. А ты не находишь в этом каких-то противоречий? Не самообман ли это? Твой прекрасный Илья уже десять лет живет в свое удовольствие. Он существует как ему удобно и, по сути, использует тебя. Прости, прости... Но ведь он реально использует тебя как девочку по вызову. Он эксплуатирует тебя как секс-игрушку! А разве нет? Он же нормальный, вполне порядочный мужчина, живущий для себя. Раз в неделю — встреча с тобой, все удовольствия ему — ты готовишь ему, ты его ублажаешь... Но вы не вместе.

— Это гостевой брак, — устало возразила я. — И ты знаешь, почему так произошло.

— Знаю. — Сестра кивнула столь торжественно, что у нее щелкнула и отлетела заколка, скреплявшая волосы на затылке. А волосы у Ирины были роскошные — довольно длинные, каштанового оттенка и вьющиеся. Слишком вьющиеся, по ее мнению, даже какие-то клоунские, как она говорила, делаю-

щие ее внешний облик комичным. Поэтому она старалась «укротить» их с помощью заколок и специальных «утюжков». Мне эти «укротения» не нравились, потому что лицо у сестры, когда она собирала волосы назад, становилось слишком открытым, слишком тяжелым. Солидным, сугубо дамским, что ли. Когда щеки демонстративно вперед, а глаза словно навывкате, как при болезни щитовидки (хотя у Ирины с этим все было в порядке). Словом, манипуляции с волосами добавляли сестре возраста. Но Ирина утверждала, что выглядеть смешной — это хуже, чем выглядеть старой.

Ирина подняла заколку с пола и вновь скрепила волосы на макушке. Продолжила неспешно и плавно, словно перед тем прокрутила эти фразы в своей голове уже много раз:

— Я помню, о чем вы с Ильей договаривались в начале ваших отношений. Он обещал жениться на тебе, когда ты станешь наконец свободной во всех смыслах. А ты, между прочим, уже с конца весны, что называется, свободна от всех своих обязанностей. Ты выполнила свой священный долг, и теперь его очередь выполнить свой.

— Ну да, я уже... — Я запнулась, сраженная правдивой тяжестью выражения «священный долг». — Я уже... все. Да, можно сказать и так.

— И что, Илья сделал тебе предложение? — строго спросила Ирина, опять пронзая меня взглядом.

— Пока нет, — честно ответила я. — Но ты же не думаешь, что это должно произойти как-то... автоматически? Сразу? Есть же некие тонкие материи... Ну какое-то время должно же пройти? Траур, и вообще... Илья не мог ко мне сразу с предложением лезть после того, что ты называешь словом «освободилась», он решил подождать. Наверное, даже сейчас еще рано о нашей с ним свадьбе говорить, — подумав, неуверенно добавила я.

— Дело не в этом, рано или поздно. — Ирина взмахнула рукой, словно перечеркнув в воздухе мое робкое возражение. — Илья не с тобой. Вы не вместе. Он отдельно, и ты отдельно, понимаешь? Ты вот говорила про гостевой брак, а это никакой не брак, у вас по-другому все называется, у вас просто ни к чему не обязывающая связь.

— И что делать? — усмехнулась я. — Мне самой к нему с предложением руки и сердца навязываться?

— Нет. Но ты должна спросить Илью о его планах... относительно тебя.

— Ладно, спрошу, — подумав, согласилась я. — Но так, для проформы я об этом спрошу, если честно. Мне как-то все равно, Кузя, выйду я официально замуж или нет. Родятся у меня дети или нет... То есть я надеюсь, что все это у меня с Илей случится рано или поздно — и брак, и дети, — но я не собираюсь заранее пороть горячку. Ты говоришь про какие-то там часики, а я их не слышу, если честно. И давай не будем больше об этом, а?

— Но ты спросишь Илью о его планах? — настаивала сестра.

— Спрошу-спрошу. Ради тебя, — засмеялась я.

— Клянись, — не отставала она.

— Клянусь, — энергично кивнула я.

— Уф... Ну отлично, разобрались, мне стало легче, — призналась Ирина. — Пойду уже.

Она встала, направилась в коридор, я — за ней.

Ирина одевалась, а я ходила вокруг, нюхала ее шубу. Потом принялась чихать. Сестра возмутилась:

— Дашка, зачем?! Вот зачем ты это делала? У тебя же аллергия на шерсть!

— Почему ты не купишь пуховик? Или пальто? В шубах сейчас уже не ходят! — принялась я дразниться. — Шуба добавляет тебе возраста.

— Я тебе сто раз говорила, что лучше выглядеть старой, чем комичной. Ну не идут мне эти пуховики. Я в них на само-вар похожа! — засмеялась Ирина. — Ну все, пока.

— Пока. — Я чмокнула ее в холодную твердую щеку, пахнущую какой-то штукатуркой, в которую при замешивании случайно высыпали пакетик ванили. Так, наверное, пах тональный крем, которым сестра плотным слоем покрывала кожу лица. Вполне приличную и ровную, кстати... Но вот не могла Ирина без этой «маски» обходиться каждый раз, выходя из дома... Зато у меня сейчас возникло ощущение, словно я к стене приложилась губами.

— погоди! Ты где Новый год собралась справлять? — спохватилась Ирина.

— Не знаю. С Ильей, наверное. Я приготовлю салат, он принесет вино... Или мы пойдем куда-то, как в прошлом году. А ты что будешь в Новый год делать?

— Меня к себе домой позвала Сонечка. Помнишь, моя однокурсница? Года три не встречались или даже пять. А тут звонит, говорит, что ждет. Я согласилась. А так бы, конечно, к Виктору Петровичу поехала бы, ему восемьдесят семь в этом году... До сих пор преподает, представляешь? Ну все, пока-пока!

Тяжело цокая каблуками, словно к ним были прибиты подковы, Ирина скрылась за дверью.

...Я на свою кухню совершенно не обижалась. Во-первых, меня все эти разговоры «часики тикают» и «женщина должна стремиться замуж» вообще не трогали. Не задевали и не обижали. Хотя бы потому, что я совсем не чувствовала себя одинокой, рядом со мной всегда находился Илья. Не постоянно, не каждую минуту со мной на связи, но сама мысль о том, что он есть, что он любит меня, очень грела. Ну и во-вторых, Ирина в последний год регулярно заводила философские разговоры на темы личной жизни, я уже к ее монологам привыкла.

О том, что институт семьи разваливается и что одиноких женщин все больше год от года. Что найти подходящего кандидата в мужья одинокой женщине за пятьдесят почти невозможно. А приличные мужчины, между прочим, давно заняты, а с остальными лучше и не связываться!

Еще она много рассказывала о своем одиночестве, о том, что это знакомое чувство для многих людей. Заявила, что с шестидесятых годов прошлого века количество одиноких взрослых выросло в два раза.

Ирина утверждала, что одиночество мучительно: «Это похоже на голод или жажду. Словно чего-то не хватает, главного, без чего не выжить!» Говорила еще, что от одиночества возникают всякие неприятности — сердечно-сосудистые заболевания, деменция, инсульты-инфаркты, депрессия и тревога. Заявляла, что жить в одиночестве опасно, это все равно как выкуривать по пачке сигарет в день.

Я как-то спросила сестру, почему такое творится, откуда вдруг столько одиноких взялось, а Ирина ответила, что причины — рост разводов и то, что женщины стали экономически независимы. Но я не понимала: как можно страдать от того, что можешь себя сама обеспечивать? И зачем тогда разводиться, если все равно придется страдать?

Так что в этом вопросе (насколько одиночество вредно для здоровья) я с Ириной была категорически не согласна. Кто страдает — тот и болеет, вполне можно быть одиноким и не страдать, а наслаждаться своей свободной жизнью.

Но сегодня Ирина отчего-то решила всерьез взяться за меня, заочно наехала зачем-то на Илью...

Ну и ладно, жалко, что ли.

Мы с сестрой раньше не особо общались, кстати, только последние лет пять, наверное, стали тесно дружить, или как это назвать, наши с ней отношения...

Ирина иногда приглашала меня к себе в гости. Сестра — невероятная чистюля и аккуратистка, ее двухкомнатная квартира дышала стерильностью. Ирина гладила все, что можно было гладить: постельное белье, одежду, занавески, нижнее белье, носки и шарфики... Еще она постоянно мыла окна, буквально каждую неделю. Я Ирине открытым текстом говорила — не ОКР ли у нее какое? Мыть окна, например, сейчас, зимой, в мороз и ветер — зачем?! Можно же простыть, к тому же сами стекла могут лопнуть от перепада температур, если их мыть горячей водой на морозе...

Но сестра от моих замечаний отмахивалась, она говорила, что глажка и уборка ее успокаивают.

Если проанализировать жизнь Ирины, то у сестры реально не было ни одной минуты свободной. Она либо работала, либо наводила чистоту в доме, либо занималась каким-нибудь из своих любимых хобби (а их у нее имелось в избытке: вязание, вышивание, шитье, рисование, разведение редких растений, танцы, театральная студия, студия каллиграфического письма, йога...). А еще Ирина много читала, ходила постоянно на выставки и спектакли...

Правда, все это она делала без меня, ведь до последнего времени я не могла ее сопровождать.

А все потому, что я последние десять лет ухаживала за своими родителями, сначала за мамой, потом за папой. Они, как я уже говорила, родили меня очень поздно, и с какого-то момента их стали преследовать болезни и другие проблемы, связанные с преклонным возрастом. Так получилось, что старость моих родителей совпала с моей юностью.

Мои папа с мамой очень любили друг друга, и женились они достаточно рано. Но решили отложить рождение детей на потом. Сначала им надо было отучиться, затем укрепиться на работе (по тем самым заветам бабушки, родившей мою маму